

Издавна писательская братия знала Лёву как доброго, авторитетного товарища. Был он целых двадцать лет секретарем правления Союза писателей, руководил Литературным фондом. Кое-кому было известно, что Гаврилов после войны окончил знаменитый Военмех и работал в каком-то закрытом НИИ. И никто не знал, что НИИ было не просто закрытое, а сверхсекретное. Он участвовал в разработке и испытаниях ракетных систем и комплексов. Однажды руководство страны решило показать миру, что мы не лыком шиты, и распорядилось показать по телевидению небольшой сюжет о тех, кто создает непробиваемый щит Родины. Как-то вечером в Доме писателя прозаик Радий Погодин подошел к Гаврилову и радостно сказал, что вчера по телеку видел его на ракетодроме. Не моргнув глазом, Гаврилов убедил Погодина, что тот ошибся, что, кроме стихов, он, Гаврилов, ни в чем серьезном не смыслит, тем более – в каких-то ракетах.

Мы с Лёвой встречались очень часто до проклятой пандемии. Он интереснейший собеседник, мудрый человек. Во время долгих прогулок по любимым городским улицам мы говорили обо всем на свете – о политике, о близких нам людях, о своем детстве, о родителях, о войне и, конечно же, чаще всего о литературе – классической и современной.

Иногда мы специально приезжали на Смоленское кладбище навестить могилы своих друзей – Олега Тарутина и Льва Кукулина. Глухая тишина, таинственность тенистых аллей и дорожек располагали к неторопливой, вполголоса беседе. Однажды во время такой прогулки он предложил посмотреть места обитания его блокадного детства.

Мы прошли через мост на другую сторону реки Смоленки и оказались невдалеке от другого кладбища – Лютеранского. Здесь Лёва показал место, куда привезли убитую фашистским снарядом целую группу детсадовских детей. Молча вышли на улицу, добрались до какого-то дома, Лёва встал у двери парадной под навесом и сказал, что именно вот здесь они с мамой пытались скрыться от налета немецких самолетов. Мне стало не по себе от того, что я ясно представил. Но это оказалось не самым страшным. Через некоторое время мы подошли к площади. Она состояла из многих холмов, поросших свежей травой. Во время лютой блокады на их месте были глубокие рвы. Сюда привозили на машинах и на детских санках трупы и складывали в эти рвы. Всю эту жуть видел своими глазами мальчуган, живущий невдалеке, в переулке Каховского.

Постояли мы с Лёвой во дворе, под окнами его родного дома и неспеша добрались до метро «Приморская». Вокруг куда-то спешили оживленные, счастливые люди. А тогда, в один из дней первой блокадной зимы, Лёву с мамой вывезли через Ладогу на Большую землю.

*Треснул лёд – и кто-то взвизнул,
И полуторка – под лёд.
Для кого – Дорога жизни,
Для кого – наоборот.*

Через всю жизнь в его творчестве будет жить и царапать сердце тема Великой Отечественной. Скромнейший, деликатный человек, он при случае с гордостью говорит, что в интернете опубликованы два трагических стихотворения – «Я убит подо Ржевом» Александра Твардовского и следом – «Забывтая пехота» Льва Гаврилова. Да, тут есть чем гордиться.

*В лесах, в нехоженных болотах,
В земле, истерзанной войной,
Лежит советская пехота,
Забывтая своей страной.
Она закончила движенье
В те трижды клятые года,
Не выйти ей из окруженья
Навстречу нашим никогда.
Ей отступленья не трубили,
И вот, под соловьиный свист,
– Забыли нас!
О нас забыли! –
Кричит застреленный связист.
Забыли те, забыли эти,
Поскольку всем не до того,
И словно не было на свете
Из той пехоты никого.
А там полки, бригады, роты!
И каждый год в Победный день
Встает забывтая пехота
В пробитых касках набекрень.
И пусть не чищены награды
И ржа оружия на груди –
Она приходит на парады
И марширует впереди.
Её солдаты как мессии
Грядущих дней твоих, моих.
И все забыты... А России
Всё не до них. Всё не до них...*

Жарким летним днем мы сидим на скамейке в парке Красного Села, и он читает мне главку из повести «Лёнькина война». Я слушаю внимательно и замороженно, догадываясь, что главный герой – блокадный ленинградский пацаненок – это сам автор. Предлагаю: может, заменить Лёнькина на Лёвкина? Но мой друг твердо стоит на своем. Понимаю: не своё имя, хоть и близкое по звучанию, как бы развязывает писательскую руку. Меня сразу заворожил предельно простой, обыденный, без намека на аффектацию язык и стиль произведения, рассказ ребенка о жуткой череде блокадных дней.

Вскоре «Лёнькина война», а для меня все равно Лёвкина, была опубликована и не раз переиздана, став заметным явлением литературы нашего времени.

Что касается юбилея, не будем заикливаться на почтенной цифре. Вот минует пандемия, и мы, как и прежде, обязательно встретимся и обстоятельно обо всем поговорим. Верно, Лев Николаевич?

Лёву Николаевичу Гаврилову исполнилось девяносто лет. Возраст весьма солидный, когда, кажется, не грех подводить итоги. Гаврилову не до итогов. Он полон творческих сил и задумок, каждый божий день сочиняет стихи или прозу – для детей или для взрослых читателей. За годы творчества, – а его первые стихи были опубликованы в 1954 году, – он выпустил восемнадцать книг. В связи с юбилеем его поздравил Президент В.В. Путин, ему был вручен Почетный знак «За заслуги перед Санкт-Петербургом».

Сказать по правде, писатель давно заслужил благодарность читателей не только родного города, но и всей нашей огромной страны. Каждая его книга мгновенно исчезала и исчезает с магазинных полок, буквально зачитывается в библиотеках. Было время, когда во многих республиках и городах проходили декады литературы, и Гаврилов очень часто и с большим успехом участвовал в этих многолюдных празднествах. И в наши дни он не отказывается от встреч с самыми разными читателями. Вместе с ним мне доводилось встречаться и со школьниками, и с заключенными СИЗО в Горелово. И всюду его встречали с уважением, а провожали восторженными аплодисментами и просьбой хотя бы еще раз повторить встречу.

Дружим мы с Лёвой уже много-много лет. Особенно укрепилась наша дружба, когда я возглавлял отдел поэзии журнала «Нева». С 1984 по 2007 год в «Неве» опубликованы более сотни его стихотворений, эпиграмм, веселых стихов для детей, а также венки сонетов «Ты – женщина». Бывает, смотрю по телевизору эстафету бегунов и, улыбаясь, повторяю строчки Гаврилова из детской книжки: «Эстафета, эстафета! Вместо палочки – конфета».

Интересны и неподражаемы его «фамильные» эпиграммы. В них, за исключением двух-трех, нет намека на злость, раздражение, что отличает многих стихотворцев. У Гаврилова они просто смешные и... добрые. Вот эпиграмма на недавно ушедшего из жизни критика Александра Рубашкина:

*Если пьёт – то полрюмашки,
Если ест – еда жуёт,
Если в стирку сдаст рубашку –
Без фамилии живёт...*

